

с. 2-3

ГЕРОЙ ЗАТИШЬЯ.

(Антонъ Чеховъ. «Дуэль», пов. Спб. 1892 г.)

Plus ça change, plus ça reste la même chose.

Что старѣе, то хуже...
Посл.
Гриб.

Бѣлинскій, помнится, въ одной изъ своихъ статей, сдѣлавъ безпощадную характеристику XVIII вѣка и сравнивъ тогдашнее русское общество, его бытъ и нравы съ жизнью своего времени, предостерегаетъ современниковъ отъ всякихъ высокомерныхъ заключеній въ пользу новаго вѣка. Онъ горячо убѣждалъ своихъ читателей, что если нравы XIX вѣка значительно разнятся отъ грубой картины праздной, дикой и пресыщенной жизни людей прошлаго столѣтія, то это еще не значитъ, что мы лучше нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Не мы лучше, не мы умѣемъ и культурнѣе, а время наше лучше.

Эими словами Бѣлинскій высказывалъ глубокую для своей эпохи мысль. Условия времени, социального строя жизни, среды, учреждений и тому подобныхъ вѣшнихъ и внутреннихъ влiяній налагаютъ свою печать на характеръ, поступки, поведение людей каждаго времени.

И когда будущему историку русскаго общества за послѣднiя десятилiтiя нашего вѣка придется дѣлать оцѣнку людей современной эпохи, то онъ, быть можетъ, многое сумѣетъ оправдать тѣми трудными условиями, въ которыхъ поставленъ современный человѣкъ. Волею разныхъ обстоятельствъ время восьмидесятихъ годовъ было временемъ тихимъ. «Безшумно и шажкомъ» пролегла жизнь того времени, не оставляя по себѣ

Ни мысли благотворной
Ни гевіемъ начатаго труда...

Въ такіе моменты жизни общества герои его рождаются какъ-бы съ опаленными крыльями. Они не даютъ широкимъ задачамъ, они не отвѣчаютъ на смѣлыя и рискованныя предпріятія. Задачи у нихъ скромныя, сфера дѣятельности ограниченная, приспособленная и прилаженная къ условиямъ времени, мировоззрѣніе ихъ узкое, одностороннее, а идеалы... идеалы смутны и неопредѣленны.

Всякая эпоха имѣетъ своихъ бытописателей. Однимъ изъ видныхъ дѣтописцевъ

нашего времени является молодой писатель А. П. Чеховъ.

Этотъ писатель только недавно принялся писать болѣе или менѣе крупныя произведенія. До этого онъ выпускалъ въ свѣтъ массу эскизовъ, очерковъ, набросковъ. Предметомъ его «музы» была наша сѣренькая, будничная жизнь съ ея мелкими характерами, съ ея болшой обстановкой и безцѣльными героями. Въ оправданіе такого выбора своихъ сюжетовъ г. Чеховъ могъ-бы, пожалуй, сослаться на слова половецкаго, которую выбралъ эпигрфомъ своей сатирической комедіи дѣтописецъ другой, «тихой» эпохи русской исторіи, Гоголь. Какъ бы грубы эти слова, но въ нихъ, оспорно, своя и притомъ лживая до з правды. Вы помните, конечно, эти слова: «на зеркало неча чело» и т. д...

Вѣдны героя новой повѣсти г. Чехова «Дуэль». Но кто не признаетъ въ нихъ отголоска нашего времени, копія съ того поколѣнія, которое усами своего поста съ грустью жаловалось:

Нашъ исконный юности не знаетъ,
Юность стала сказкой минувшихъ лѣтъ...

Конечно, въ исторіи не бываетъ скачковъ, ничто не является въ ней вдругъ, ex abrupto, безъ связи съ предшествующими явленіями. И герои г. Чехова носятъ въ себѣ, оспорно, черты, по которымъ мы легко узнаемъ преемственную ихъ связь съ своими отцами и дѣдами. Лаевскій и фонъ-Коренъ, эти главные изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, представляютъ собой ничто иное, какъ плоть отъ плоти и кости отъ костей свѣдѣ духовныхъ отцовъ—Рудина и Базарова. Духовное внутреннее существо этихъ истинно русскихъ героевъ, произведенныхъ Тургеневымъ, сохранилось неизмѣненнымъ въ молодыхъ ихъ отарыскахъ, обрисованныхъ г. Чеховымъ. Только дѣта приняли ту оболочку, въ которую ихъ облекла эпоха.

Въ самомъ дѣлѣ, повѣсть г. Чехова заслуживаетъ вниманія, помимо даровитости ея автора, уже по одному тому, что въ ней отражается картина нашего времени. Это будетъ ясно видно хотя-бы изъ одного только бѣлаго обзора этой повѣсти.

Въ отдаленномъ углу Россіи, на берегу Чернаго моря, затерялся маленкій захолустный городокъ. Тутъ и столкнула судьба двухъ молодыхъ людей: Лаевскаго и фонъ-Корена. Одинъ изъ нихъ служилъ по министерству финансовъ, другой приѣхалъ сюда для научныхъ изслѣдованій: онъ изучаетъ эмбриологію медузы. Обоихъ людей подлюбилъ мѣстный докторъ, почтенный, благодушный и гостепріимный ста-

рыкъ. У него и пришлось столкнуться и ссориться двумъ молодымъ противникамъ. Если спросить, на какой почвѣ происходило ихъ разногласіе, что они не подѣлила и кто первый поднялъ ссору, то пришлось бы отвѣтить, что главный затѣйщикъ раздоровъ—нашъ молодой ученый. Фонъ-Коренъ называетъ Лаевскаго безусловно вреднымъ человѣкомъ. Онъ говоритъ, что Лаевскій такъ-же опасенъ для общества, какъ холерная микроба: «утопить его—заслуга». «Я считая твоего Лаевскаго, говорить онъ старику доктору,—мерзавцемъ, не скрываю этого и стоищу къ нему, какъ къ мерзавцу, съ полною моею добросовѣстностью».

Въ чемъ-же заключаются причины такого враждебнаго отношенія къ Лаевскому со стороны его сверстника? Оказывается, что Лаевскій прожилъ въ этомъ городкѣ два года и ничего хорошаго не сдѣлалъ. Если онъ и оказывалъ какое-нибудь вліяніе на здѣшнихъ жителей, то оно кончилось только къ ихъ вреду. Фонъ-Коренъ по пальцамъ перечисляетъ всѣ эти вредныя вліянія Лаевскаго на своихъ согражданъ: онъ заразилъ ихъ страстью къ игръ въ винтъ, онъ научилъ обывателей пить пиво, которое раньше здѣсь не было извѣстно, «ему-же обыватели обязаны сѣдланнымъ по части разныхъ сортовъ водокъ, такъ что съ завязанными глазами они могутъ теперь отличать водку Кошелева отъ Смирнова № 21». Наконецъ, если прежде здѣсь жили съ чужими женами тайно, то Лаевскій, по словамъ фонъ-Корена, въ этомъ отношеніи явился пионеромъ: онъ живетъ съ чужой женой открыто. Этого мало; фонъ-Коренъ съ особеннымъ негодованіемъ подчеркиваетъ и то, что Лаевскій живетъ не по средствамъ, постоянно дѣлая долги, а все его отношеніе къ службѣ заключается въ томъ, что онъ только подписываетъ бумагу, не просматривая ихъ. Вотъ причины, побуждавшія фонъ-Корена неумолимо преслѣдовать Лаевскаго, какъ врага, и доведшія въ концѣ концовъ обоихъ молодыхъ людей до дуэли. Какъ видѣть читатель, всѣ помянутыя недостатки Лаевскаго относятся не къ явленіямъ болѣе или менѣе глубокой нравственной извращенности, но лишь къ тому, что называется распущенностью. Если посмотрѣть на этого человѣка, поговорить съ нимъ, послушать его, то вы увидите, что еще недавно онъ былъ нѣсколько инымъ. Онъ мечталъ быть полезнымъ дѣтелемъ, онъ грезилъ о трудовой жизни. Онъ познакомился съ замужней женщиной и полюбилъ ее. «Вначалѣ, говорить онъ,—у насъ были и поцѣлуи, и такіе вечера,

и клятвы, и Спенсер, и идеалы, и общие интересы». Согласно съ влиянію времени, они убѣдились въ пустотѣ и бесполезности интеллигентной жизни, они рѣшили вернуться къ природѣ, приобрести на Кавказѣ клочокъ земли, отдаться труду въ потѣ лица, завести виноградникъ, поле и т. п.

Дамъ своего сердца, Надеждѣ Федоровнѣ, онъ внушилъ обаятельную мечту служения народу: она будетъ «лѣчить бѣднѣхъ мужиковъ и раздавать имъ книжки». Увы! то мечты, а то дѣйствительность... Лаевскій самъ говорить, что онъ скоро, съ перваго-же дня, почувствовалъ себя «банкротомъ». Для человѣка извѣженнаго, для «блоручки», какъ онъ самъ себя называетъ, тяжелая физическая работа совсѣмъ не по плечу. Людямъ суроваго труда жизнь не дается безъ лишеній и борьбы. «Тутъ нужна борьба не на жизнь, а на смерть», говоритъ онъ, — а какой я боецъ? — жалкій неврастеникъ, блоручка». Вскорѣ онъ разочаровался и въ другомъ. Женщина, которая особенно была дорога для него тѣмъ, что читала Спенсера и пошла для него на край свѣта, скоро начала ему надоедать. Онъ разгадалъ ея натуру, ея неподготовленность къ дѣятельной жизни, ея неспособность къ какому-бы то ни было труду. Онъ сталъ жить, что называется, день-завтра, «иначе, какъ вчера». Жизнь безцвѣтная, однообразная, скучная, не освѣщенная ни идеями, ни цѣлью, ни какими-бы то ни было серьезнымъ содержаніемъ. Эта жизнь какъ нельзя лучше гармонировала съ невозмутимую тишью да гладью царящими вокругъ. Свои умственные силы Лаевскій пускалъ въ оборотъ, чтобы придумать мотивы оправданія негнѣной жизни. «Пофилософствуй — умъ вскружится», говорятъ люди, подобно Фамусову, мало вкусившіе отъ сокровищъ цивилизаціи и науки. Не таковъ Лаевскій: для него философствованіе — первое спасеніе. Для усиленія волнующейся совѣсти бѣсѣда обобщенныхъ вопросовъ и высокихъ матерій — самое лучшее лѣкарство. Для нашего брата-неудачника и лишняго человѣка, говоритъ онъ, — все спасеніе въ разгочорахъ. Я долженъ обобщать каждый свой поступокъ. Я долженъ найти объясненіе и оправданіе своей негнѣной жизни въ чьихъ-нибудь теоріяхъ, въ литературныхъ типахъ, въ томъ, наприимѣръ, что мы, дворяне, вырождаемся, и прочее. Въ прошлую ночь, наприимѣръ, я утѣшалъ себя тѣмъ, что все время думалъ: ахъ, какъ правъ Толстой, безжалостно правъ! И мнѣ было легче отъ этого. Онъ утѣшается модной теоріей насильственности, оговора со здоровьемъ: «Что

хотите, батенька, отъ насъ, осколковъ крѣпостничества?» Смыслъ на Овѣгина, Печорина, Рудана и т. д., онъ замѣчаетъ: «это наши отцы по плоти и духу». Въ оправданіе дряблости своей вялой и нервной натуры онъ ссылается на «нашъ нервный вѣкъ». Легко понять, что такіе люди и въ самомъ дѣлѣ мало пригодны для общества.

Теперь посмотримъ, каковы сверстники и недругъ Лаевскаго — фонъ-Корень.

Онъ самъ себя рекомендуетъ: «Я, говорить онъ, — зоологъ и социологъ, что одно и то-же». Это отождествленіе зоологіи съ социологіей въ высшей степени характерный признакъ времени. Не ищите у этихъ людей высокихъ общественныхъ стремленій и развитыхъ общественныхъ чувствъ. Если у нихъ и есть какіе-нибудь общественные принципы, то они почерпнуты изъ сухой и холодной биологической доктрины. Эта доктрина несложна: каждое животное работаетъ для своего пропитанія, а то, которое не работаетъ, должно умереть. Борьба за существованіе отдаетъ въ жертву торжеству силы всѣхъ слабыхъ, хилыхъ и негодныхъ къ борьбѣ существъ. Безполезныхъ членовъ общества съдѣдуетъ безъ зазрѣнія совѣсти уничтожать. Вотъ почему фонъ-Корень, приготовляясь къ дуэли съ Лаевскимъ, совершенно сознательно рѣшилъ не давать ему спуска и стрѣлять въ упоръ. Онъ рѣшилъ, что этимъ только окажетъ услугу обществу въ стремленіи «обезвредить», какъ онъ выражался, эту опасную «микробу».

Любопытно, для полнаго уясненія воззрѣній фонъ-Кореня, примиреніе нашихъ двухъ прогавниковъ, состоявшееся въ концѣ повѣсти. «Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится» — эта пословица вполне приимѣнима къ Лаевскому. Онъ только въ критическую минуту жизни, когда онъ, можно сказать, сталъ лицомъ къ лицу съ смертію, считъ нужнымъ призадуматься надъ всей своей жизнью, надъ своими пороками и ошибками, надъ своимъ, наконецъ, страннымъ отношеніемъ къ той женщинѣ, которую онъ вырвалъ изъ семьи. Онъ впервые почувствовалъ, что у него есть нравственный долгъ передъ этой женщиной, что онъ обязанъ думать и заботиться о ней. И онъ, въ концѣ концовъ, проникся сознаніемъ, что «эта несчастная, порочная женщина — единственный, близкій, родной и незаменимый человѣкъ».

Онъ рѣшилъ себя дисциплинировать и въ другихъ отношеніяхъ. Онъ сталъ работать по цѣлымъ днямъ, чтобы имѣть возможность платиться съ своими денежными долгами и свои претензіи и комфортъ онъ огра-